

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ И ИНСТИТУТЫ

УДК 1.316.3
ББК 87.626

ВЛИЯНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ НА ПРОЦЕССЫ КОММУНИКАЦИИ ¹

И.В. Кутырева

В статье анализируются процессы социальной модернизации, которые затрагивают все сферы человеческого существования непосредственно связаны с коммуникативной реальностью. В языковом пространстве происходит социализация личности, а также формируется готовность к взаимодействию на различных модусах: как личностном, так и межкультурном. Классические теории развития языка и коммуникативных практик ведут к противоречиям в объяснении современных социальных процессов. Их сложность и неоднозначность свидетельствует о необходимости рассмотрения языковой проблематики на основе функционирования коммуникативных связей в условиях глобализации и мондиализации.

Ключевые слова: Коммуникативный механизм, модернизация, диалогизм, социальная реальность.

Для широкого пласта гуманитарных наук на сегодняшний день характерно выдвижение на центральное место проблем, явно или косвенно связанных с процессами коммуникации. Для современного мира это объяснимо. Происходящие процессы в обществе, его переход к информационной модели развития обуславливает необходимость создания теории, объясняющей принцип и характер функционирования коммуникативных связей. Переход к новому типу общества неизбежно приводит к изменению форм социальности, которые, в свою очередь, определяются коммуникативным характером социальной реальности. Классическая социальная теория формировалась в рамках

парадигмы индустриального общества, в то время как развитие современной социальной теории предполагает иную парадигму рассмотрения, в частности, коммуникативной проблематики, когда общество рассматривается не как некая социальная конструкция, а как коммуникативный механизм, определяющий сущность социальных процессов.

Дискуссии в данной области опосредованы тем, что исследование социальных процессов предполагает многоплановость и многогранность, что приводит тем самым к наличию огромного множества моделей коммуникации.

Разные исследователи выделяют разные тенденции в исследовании современных социальных процессов.

Несмотря на многообразие моделей коммуникации в современных социальных исследованиях, необходимо выделить основопола-

гающие концепции коммуникации – теорию коммуникативного действия Ю. Хабермаса и системную теорию Н. Лумана.

Концепции Лумана и Хабермаса изначально противопоставляются друг другу, так как данные концепции определяют два основополагающих направления в исследовании коммуникации: коммуникация как феномен языка и коммуникация как система. Так, Хабермас обращается не к анализу языковых структур, а исследует реальное воплощение языка в речи, полагая, что исследовать языковые формы возможно только посредством коммуникации, поскольку именно в речи заложены те механизмы понимания и действия, полагающие язык в качестве символического средства человеческого общения.

Это означает то, что в процессе социализации, которая реализуется в коммуникативном пространстве, субъекты постигают способности достижения взаимопонимания. Коммуникации, как и языку, присущи механизмы, обуславливающие процесс взаимопонимания. Эти механизмы человек постигает неосознанно и они предшествуют любому процессу коммуникации.

Луман отказался от такой установки универсализма коммуникации, и предложил рассматривать коммуникацию не в аспекте смыслополагания, а в качестве независимой, объективирующей формы социального взаимодействия. Но, следуя логике Лумана, говорить об основаниях коммуникации, в качестве которых могут выступать социальная система общества, не представляется возможным, так как в данном случае коммуникация предстает как результат деятельности, однако деятельности самой коммуникации. Таким образом, коммуникации, скажем, в информационном обществе, быть не может.

По сути дела, Луман и Хабермас раскрывают различные аспекты современной коммуникации: содержательный и функциональный. Как феномен языка коммуникация является способом реализации коммуникативного потенциала языка. Но функционирование коммуникации определяется внешними по отношению к языку системными механизмами, которые существуют в тесной взаимосвязи с происходящими процессами в обществе. Возникает вполне обоснованный вопрос: насколько

объективным для современных процессов модернизации является подобный принцип разделения аспектов коммуникации.

Теории 19 века были ориентированы на выявление законов социального прогресса посредством естественной эволюционистской теории. Согласно Спенсеру, социальная эволюция проходит по законам биологической эволюции и приводит к постепенному совершенствованию человечества и всех происходящих общественных процессов.

Все эволюционные теории придерживались концепции однонаправленного развития, в отличие от теоретиков циклического развития, которые придерживаются принципа выделения стадий роста и упадка цивилизации. Для структурно-функциональной модели общества центральным является понятие системы, под которой понимается ряд элементов или компонентов, которые в течение определенного периода времени находятся в более или менее стабильной взаимосвязи. Одной из отличительных черт системы является ее стремление к равновесию. Но ни один фактор сам по себе не способен объяснить социальные изменения, так как само взаимодействие придает обществу его динамические характеристики.

Приверженцы теории конфликта полагали, что основным источником социальных изменений выступают напряженные ситуации между конкурирующими группами.

Сегодня, говоря об этимологии понятия «модернизация», необходимо отметить обобщенность указанного термина. В ряде гуманитарных наук под модернизацией подразумевается переход от традиционного общества к индустриальному. Но неверным является представление, что модернизация это процесс, характерный только лишь для современности. Это процесс, который сопровождал все развитие человеческой истории, более того, это непрерывный и бесконечный процесс. Тем не менее, не существует законов модернизации, по которым все общества развиваются аналогично. Различным обществам свойственна нерегулярность данного процесса, а также внутренняя противоречивость. Нужно понимать, что любое общество, каким бы не был его уровень развития, по своей внутренней структуре является неоднородным, что

обуславливает его внутреннюю конфликтность. Происходящий процесс модернизации не может быть локальным в какой-либо одной сфере применительно к одной культуре или одному обществу. В данный процесс становятся вовлеченными все структуры и институты общества. Зачастую в результате процесса модернизации происходит перелом традиционных ценностей и модификация общественных институтов.

Если говорить о социальной модернизации, то следует отметить, что ее основания заключены не только в ценностных ориентациях, но и на более глубинных уровнях, то есть, в структурах сознания. Под социальной модернизацией сегодня в первую очередь понимается развитие системы социальных отношений, целенаправленный переход к инновационному обществу посредством создания инновационного уклада жизни. Исследование социальной модернизации мы находим еще у Э. Дюркгейма в работе «Общественное разделение труда», где перспективы и успешность социальной модернизации определены сущностными основаниями и детерминантами, имеющими различные характеристики и особенности в разных обществах. В качестве базовых духовных оснований социальной модернизации выступает менталитет. Проблемы менталитета, ментальности и национального характера предметно исследовались в работах таких мыслителей как Н. Бердяев, С. Булгаков, С. Франк, Г. Шпет, М. Ковалевский, Н. Михайловский, П. Лавров, Н. Кареев и других. Менталитет в конечном счете детерминирует тип мышления, образ мыслей, приоритетов, оценок и форм поведения человека в рамках данной общности, общества. Менталитет может быть рассмотрен как некий мировоззренческий стандарт, который устойчив и изменяется очень медленно в течение длительного времени, при этом сохраняя свое «ментальное ядро» практически неизменным.

Таким образом, мировоззрение предстает как определенный барьер, который позволяет реализовываться или не реализовываться новому, в данном случае социальной модернизации и становлению нового информационного общества.

В сознании человека конца 20 – начала 21 века утверждается идея всемирности и

глобальности. Развертывающиеся в мире интеграционные процессы свидетельствуют о том, что будущее общемировой культуры действительно связано с тесным взаимодействием и сближением культур и цивилизаций, так как изначально в природе любого общества находится принцип взаимодействия с другими обществами и коммуникативное ощущение их через модусы, доступные каждой культуре. Всякая культура, как и жизненный мир, содержит в себе части других культур, они всегда развиваются и расширяют свои границы посредством глобализации и мондиализации (- мондиализация жизненного мира означает его трансформацию путем превращения чужого и чуждого в схемах других в знакомое через посредничество) с их преобразующим освоением.

Сложность понимания обусловлена тем, что восприятие и поведение обусловлено стереотипами – идеологическими, национальными, половыми, сформированными у человека с детства. Понимание апперцептивно, то есть новая информация ассимилируется путем соотнесения с тем, что уже известно, новое знание и новый опыт включаются в систему знания, уже имеющегося, на этой основе происходит выбор, обогащение и классификация материала. Следовательно, проблема понимания – это проблема эффективности культурного диалога как «по вертикали», то есть диалога между культурами разных эпох, так и «по горизонтали», то есть диалога разных культур, существующих одновременно, между собой. И в данном случае, самая серьезная трудность заключена в переводе смыслов с одного языка на другой, каждый из которых имеет множество семантических и грамматических особенностей, особенно если мы говорим о языках, принадлежащих разным языковым семьям, и о языках в культурах разных цивилизационных типов.

Вопросы существования языка и культуры в диалоге рассматривал М.М. Бахтин [1], который является критиком лингвистической идеи единого языка как абстрактной системы семантически-синтаксических норм и его реализации в монологических высказываниях индивидуумов. Бахтин выдвинул идею о том, что язык есть «диалогизированное разноречие» и должен быть понят как совокупность соци-

ально-типических языков, связанных с деятельностью конкретных людей и социальных групп. Функционирование естественного языка он объясняет взаимодействием двух противоположно направленных сил – центростремительных и центробежных. Центростремительные отвечают за объединение и централизацию, центробежные, напротив, динамизируют жизнь языка, вызывая конфликты.

В своей концепции Бахтин сравнивает язык, понимаемый как централизованный в качестве некой единой системы и язык, понимаемый как диалог сосуществующих равноправных национальных и социальных языков, после чего выступает за последнее понимание, которое символизирует для него освобождение культурно-смысловых и экспрессивных интенций от власти одного и единого языка. Для подобного понимания характерно отсутствие верховного языка, некой общезначимой истины. Существует множество языков, которые существуют только благодаря тому, что вступают в конфликт друг с другом. Так, Бахтин проводит деконструкцию понимания языка как централизованного феномена. Он придерживается взгляда на общественную природу языка, который в форме языкового действия интегрирован во все прочие действия, благодаря чему он приобретает способность выполнять коммуникативную функцию.

Разделение общественной жизни на различные секторы, а также их развитие и совершенствование сопровождается расколом единого языка на множество социально-типических языков, в своей совокупности репрезентирующих социальную структуру общества. По Бахтину, диалог и борьба между различными языками противоречат идее одного-единственного языка. Язык существует только во множестве своих социо-идеологических модификаций.

Таким образом, язык и коммуникация воспринимаемы в качестве исторического явления, согласно которому каждое слово является внутренне диалогичным и обязано своим генезисом диалогу. Вообще, диалог и монолог у Бахтина в его поздних работах противопоставляются как две разные парадигмы мышления, где примечательно не принятие монолизма, а размышление о модели мышления, которая основана на диалогическом принципе.

Он выделяет диалогическую сущность человеческого сознания, вслед за чем и диалогическую сущность языка. Таким образом, мы видим, что необходимо осуществлять анализ языка в действии, исследовать коммуникативную практику людей в процессе жизнедеятельности, в процессе диалога. Диалог выступает как форма существования языка, механизма конституирования смысла, норматива для межлических и межкультурных отношений. Бахтинская критика монолизма подобна критике логоцентризма Ж. Деррида [2] и направлена против единоличной власти одного языка, который имеет стремление утвердить единственное представление о мире. Кроме того, важным моментом Бахтинской концепции является то, что он стремится деонтологизировать бытие в языке. Так как Бахтин предлагает диалогичную модель сознания, связанную с языком, он отделяет язык от вещи и связывает его с говорящим.

Следовательно, из диалогической культуры можно вывести решение разного рода политических и социальных проблем. Ссылаясь на данную концепцию можно предложить стратегии развития для снижения конфликтных ситуаций между культурами и цивилизациями, несмотря на то, что конфликт, как мы предположили, изначально заложен, но это, не значит, что он неизбежен.

Вопрос о природе языкового конфликта на сегодняшний день стоит наиболее остро по сравнению с прочими историко-культурологическими и историко-философскими вопросами, так как нельзя не признать, что в условиях социальной модернизации с перестройкой ценностных ориентиров возможно бесконфликтное существование культур и цивилизаций. Более того, при взаимодействии разных культур и цивилизаций конфликт всегда будет заложен изначально, вопрос в том на микро-уровне или на макро-уровне происходит конфликт.

Какие альтернативы могут быть предложены для снижения рисков возникновения конфликтных ситуаций, а также для предотвращения отрицательных последствий конфликтного существования? В философской науке тема социальной модернизации и коммуникационных процессов как ключевой проблемы всей современной гуманитаристики затрагивается не впервые. Но именно сейчас пробле-

ма перевода смыслов с одного языка на другой, а также в рамках одного языка становится ключевой. Интерпретацию культурной традиции Гадамер [3] рассматривает как диалог прошлого и настоящего, где главной является проблема взаимопонимания. Условия, в которых осуществляется всякое взаимопонимание, лучше всего видны на примере усложненных и препятствующих взаимопониманию ситуаций. Особенно интересен языковой процесс, который создает возможность разговора на двух, чуждых друг другу языках, – процесс перевода. Переводчик должен перенести смысл в тот контекст и с теми ценностными ориентирами и установками, в котором и которыми живет данный участник беседы. Но это вовсе не означает, что переводчик искажает смысл, который имел в виду другой собеседник. Наоборот, смысл должен быть сохранен, поскольку, он должен быть понят в контексте нового языкового мира, постольку он выражается теперь совсем по-другому. В связи с чем всякий перевод уже является истолкованием; можно даже сказать, что он является завершением этого истолкования.

В результате перевода, то есть истолкования, текст предстает в свете другого языка. Как и всякое истолкование, перевод означает переосвещение, попытку представить нечто в новом свете. Таким образом, ситуация переводчика, по сути дела, совпадает с ситуацией интерпретатора. Но задача воспроизведения, стоящая перед переводчиком, отличается от общегерменевтической задачи, которую ставит перед собой любой текст, не качественно, но лишь с точки зрения степени. По мнению Гадамера, перевод является искусственной мерой.

Разрабатывавший проблему конфликта интерпретаций П. Рикер [4] выявил два способа обоснования герменевтики путем обращения к феноменологии. Первый путь в соответствии с идеями Г.-Г. Гадамера – обращение к онтологии понимания, рассмотрение понимания не как способа познания, но как способа бытия. Герменевтика в данном случае ставит вопрос о бытии, которое существует-понимая. Второй путь – это онтология понимания в ее соотношении с эпистемологией интерпретации. Современной философской герменевтике присуще стремление к диалогу и

синтезу с другими типами философствования и системами знания. П. Рикер соотносит герменевтику с феноменологией, структурализмом, психоанализом, а стремясь осмыслить повествовательные функции культуры, он соединяет герменевтику с лингвистическим анализом и аналитической философией. Но нужно заметить, что, например, в отличие от Ф. Шлейермахера и В. Дильтея, разрабатывавших герменевтику как философскую дисциплину и трактовавших ее в духе психологизма, смыкающегося с традиционной эпистемологией, П. Рикер переносит вопрос в онтологическую плоскость: герменевтика, полагает он, не только метод познания, но прежде всего способ бытия.

Л. Витгенштейн [5], предложивший совершенно иной подход к языковым проблемам рассматривает язык не как знаковую структуру, используемую в целях коммуникации, а язык в его деятельностном аспекте, то есть высказывания, включенные в определенный контекст их употребления. Особенность метода Витгенштейна состоит в том, что он, рассматривая ту или иную конкретную языковую игру, демонстрирует возможности данного понятия прояснить нечто о языковой деятельности в целом. Понятие языка Витгенштейн стремится заменить понятием языковой игры. Языковые игры имеют свою структуру – глубинную грамматику, противопоставляемую грамматике поверхностной. При этом Витгенштейн раскрывает два тезиса: 1) нет такой системы языковых правил, которая была бы полной и недвусмысленной, и 2) нет такого правила, которое независимо от нашей практики его применения определяло бы, правильно или неправильно используется выражение.

Подобное «игровое» отношение к языку постулируется многими концепциями 20 века, которые внесли качественно иное восприятие понятия языка и коммуникации. Так называемый «лингвистический поворот» внес новое понимание в философию языка, привел к переосмыслению таких концептов, как «язык», «текст», «дискурс», а также расширил сферы их применения. Таким образом, научная база для исследований языка все более расширяется и углубляется, что ведет к переосмыслению проблем языка, ставших традиционными. А сложность, неоднознач-

ность современных коммуникативных процессов делают невозможным создание некой универсальной теории коммуникации.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Работа выполнена в рамках реализации мероприятия 1.4. ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 гг. «Человеческое существование в условиях социальной модернизации». Соглашение № 14.В37.21.0088.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бахтин, М. М. Эстетика словесного творчества. – М.: Художественная литература, 1979. – 341 с.
2. Деррида, Ж. Структура, знак и игра в дискурсе гуманитарных наук. // Французская семиотика: от структурализма к постструктурализму. – М.: ИГ Прогресс, 2000. – С. 407–420.
3. Гадамер, Г.-Г. Истина и метод: основы философской герменевтики. – М.: Прогресс, 1988. – 704 с.
4. Рикёр, П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике. – М.: Канон-Пресс, 2002. – 372 с.
5. Витгенштейн, Л. Философские исследования // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. 16. – 1985. – С. 79–128.

THE IMPACT OF SOCIAL MODERNIZATION IN THE PROCESS OF COMMUNICATION

I. V. Kutyreva

The concept of social modernization is very broad and covers all areas of human existence. The problem of social communication directly related to reality. In the language space is socialization of the individual, as well as readiness to interact formed in different modes: both personal and intercultural. The classical theory of the development of language and communication practices lead to inconsistencies in the explanation of contemporary social processes. The complexity and ambiguity of the evidence of the need to address issues of language on the basis of the functioning of communication links in the context of globalization and mondialization.

Key words: *communication mechanism, modernization, dialogism, social reality.*